

ЧИЯЛИКСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Г.Н. Гарустович

THE CHIYALIK ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE MIDDLE AGES IN SOUTH URALS

G. Garustovich

Ключевые слова: древности предков башкирского народа, чияликская археологическая культура, период X-XV вв., распространение ислама, поселенческие объекты, курганные и грунтовые некрополи, святилища, проблемы этнического определения памятников, письменные источники

Работа посвящена подведению итогов и определению дальнейших перспектив научного изучения памятников чияликской археологической культуры (X-XV вв.) – древностей непосредственных предков башкирского народа, в лесостепной зоне Южного Урала. В ней обобщены обширные материалы поселенческих и погребальных объектов, а также рассмотрены комплексы святилищ полукочевников Башкортостана и сопредельных территорий (в Предуралье и Зауралье). В статье также рассматриваются данные восточных и западноевропейских нарративных источников.

Keywords: ancient ancestors of the Bashkir people, Chiyalik archaeological culture, period between X-XV centuries, spread of Islam, settler objects, barrow and ground cemeteries, sanctuaries, the problem of ethnic definition of monuments, written sources

The work is devoted to summarizing and defining the future prospects of the scientific study of the monuments of Chiyalik archaeological culture (X-XV centuries) that represent antiquities of immediate ancestors of the Bashkir people in the steppe zone of Southern Urals. It summarizes the extensive material on settlement and burial objects, and considers the sanctuary complexes of seminomads of Bashkortostan and adjacent areas (in the Urals and Trans-Urals). The article also discusses data provided by Eastern and Western narrative sources.

В качестве основной цели данной работы мы посчитали необходимым рассмотреть основные итоги научной разработки и перспективы изучения *чияликской археологической культуры* (далее – ЧК) эпохи средневековья, которая включает в себя памятники этнокультурного объединения непосредственных предков башкирского народа¹. Существовала ЧК с конца IX (или с самого начала X в.) и до начала XV века. Она получила свое название по селищу у дер. Чиялик (Чиялек) в Актанышском районе Татарстана, раскопки которого проводились в 1969 г. казанским ученым Е.П. Казаковым. Правомерность объединения средневековых древностей региона в рамках ЧК подтверждается тем, что на сегодняшний день культура обладает всеми необходимыми характеристиками крупного этнического образования: а) типичными поселенческими памятниками

(летовками и зимниками); б) многочисленными погребальными объектами (крупными некрополями); в) различного рода святилищами (горными, пещерными, и др.); г) характерной посудой с орнаментом гребенчато-шнурового типа, генетически объединяющей все три вида памятников.

Территория распространения культуры охватывает лесостепную зону Южного Урала – в Предуралье и Зауралье (рис. 1). По современному административно-территориальному делению это земли современного Башкортостана, восточная часть Республики Татарстан, юго-восточный (Прикамский) участок Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южная часть Свердловской и западный регион Курганской областей Российской Федерации. В отдельные столетия носители чияликской археологической культуры проникали в пределы

¹ Чияликская археологическая культура является не единственным образованием, оставленным предками башкир. Синхронные ей памятники степной зоны Южного Урала также оставлены населением, участвовавшим в этногенезе башкирского народа – *Прим.ред.*

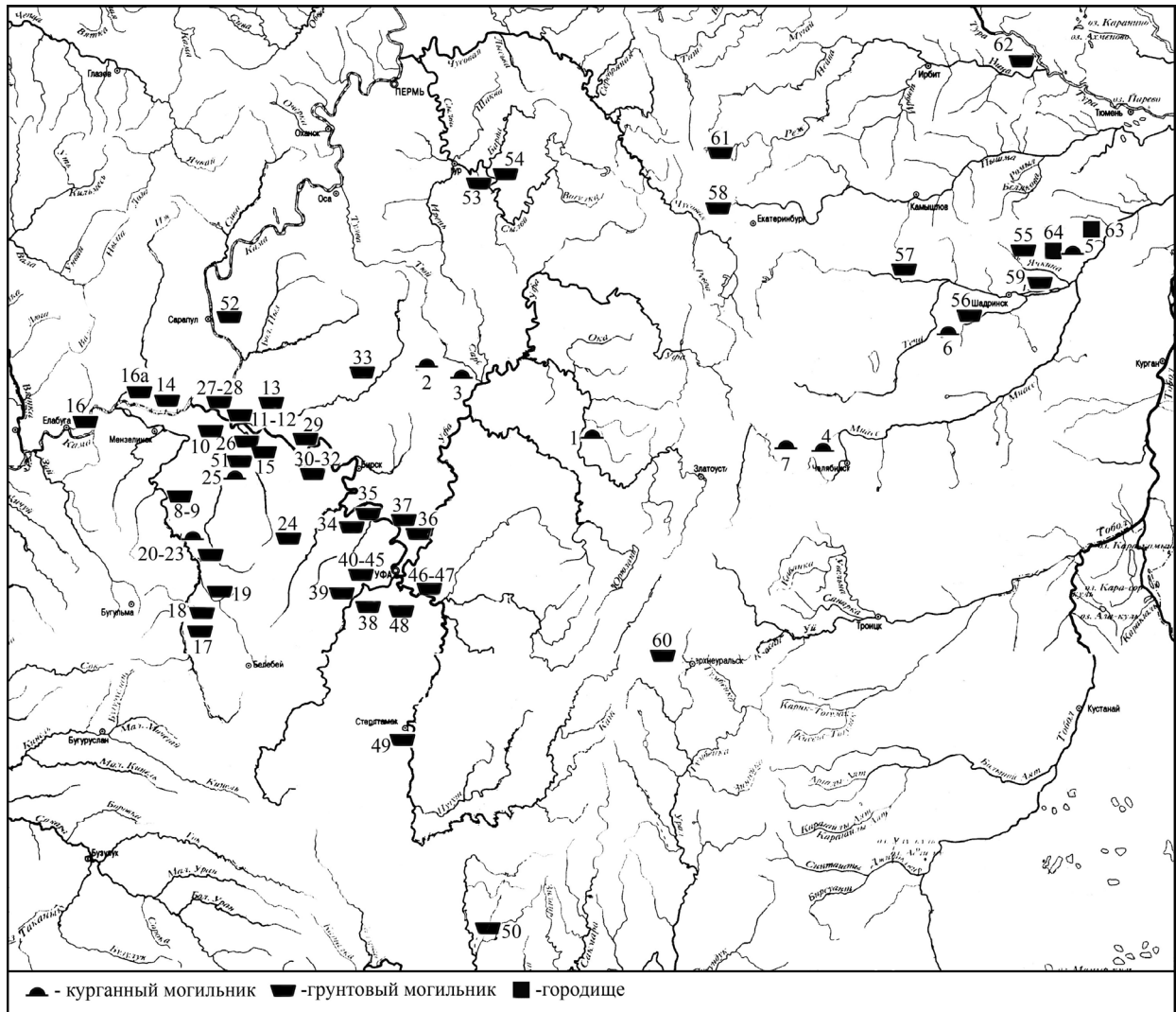

Рис. 1. Карта памятников чияликской археологической культуры.

- Курганные могильники:* 1 – Каранаевские курганы; 2 – Бакалинские курганы; 3 – Мрясимовские курганы; 4 – курганное погребение Смолино; 5 – Макушинские курганы; 6 – Замараевские курганы; 7 – Миасские II курганы
- Грунтовые могильники:* 8 – Старо-Варяшский I; 9 – Старо-Варяшский II; 10 – Азметьевский I; 11 – Дербешкинский; 12 – Старосеменовский; 13 – Такталачукский; 14 – Тураевский I; 15 – Гулюковский; 16 – Елабужский; 16а – Старо-Селищенское кладбище; 17 – Казыбирган; 18 – Кара-Яр; 19 – Тукмак-Каран; 20 – Ново-Сарлинский; 21 – Куштирякский курганный мог-к; 22 – Карповский; 23 – Нагайбакский I; 24 – Нагайбакский II; 25 – Сынгиановский курганно-грунтовый могильник; 26 – Ново-Медведевское погребение; 27 – Старо-Нагаевский; 28 – Янгизнارات; 29 – Базитамакский; 30 – Байгильдинский; 31 – Кушулевуевский II; 32 – Казакларовский; 33 – Алтаевский; 34 – Ахметовский I (поздний); 35 – Ахметовский II; 36 – Рязановский (Дмитриевский); 37 – Биктимировский (поздний); 38 – Ново-Троицкий; 39 – Нижне-Хозятковский; 40 – Горновский; 41 – Караякуповский; 42 – Нижегородский III; 43 – Демский; 44 – Уфа-II (поздний); 45 – Алексеевский; 46 – Шиповский (поздний); 47 – Охлебининский (поздний; Ак-Таш); 48 – Ибрагимовский; 49 – Шах-Тау; 50 – Исянгуловский; 51 – Исямбаевский; 52 – «Бельский Шихан»; 53 – «Сеянино Озеро»; 54 – Кишертский; 55 – Пылаевский; 56 – Замараевский (грунтовый); 57 – Казакбаевский; 58 – Перегон; 59 – Козырь; 60 – Верхне-Спасский; 61 – Аятский; 62 – Мысовский
- Городища:* 63 – Мохирево; 64 – Юдинское; 65 – Прыговское

других областей, в частности, в лесостепь Самарской области (в X и в XIII-XIV вв). За время существования ЧК, в зависимости от внешнеполитических факторов (военной экспансии степняков – печенегов, огузов, кыпчаков и т.д.), территория ее распространения «пульсировала»,

то несколько сокращаясь и сдвигаясь к северу, то расширяясь, но всегда в рамках лесостепной зоны.

Чияликская культура была выделена в начале 70-х годов XX в. Е.П. Казаковым. Он и сейчас является основным исследователем и аналитиком

чияликских древностей. Однако отдельные памятники данной культуры раскапывались различными специалистами начиная с конца XIX века. По мнению Е.П. Казакова, ЧК бытовала в XIII-XIV вв., а до этого времени (начиная с X века) ей предшествовала родственная археологическая культура, названная им «постпетрогромской» [Казаков, 2007. С. 51-65] (далее – ППК). Таким образом, исследователь считает, что на рубеже и в начале II тысячелетия н.э. в Предуралье фиксируется две волны переселенцев из-за Уральского хребта: в самом начале X и в первые годы XIII века.

В 60-е годы XX века в южной части таежной зоны Среднего Зауралья В.Д. Викторовой были выявлены памятники с лепной керамикой гребенчато-шнурового типа (могильники на р. Нице, Макушино и др. [Викторова, 1962а. С. 135-153]), выделенные в особый «макушинский тип» [Викторова, 1968. С. 240-256]. Сходство и взаимосвязь макушинских и чияликских памятников несомненна. В Западной Сибири умершие захоронены под небольшими курганными насыпями, в деревянных срубках, в неглубоких могилах, с западной ориентировкой головы. В похоронной обрядности фиксируются элементы культов огня и лошади. Находки представлены бытовыми предметами, элементами одежды и орудиями труда. Шнуровая макушинская керамика содержит примесь песка. В последние годы исследователи из Екатеринбурга признают близость макушинских памятников и объектов чияликской археологической общности [Викторова, Морозов, 1993. С. 189-191. Рис. 7, 8-10].

В 1970-е годы Н.А. Мажитов аналогичные памятники в пределах Башкирии (Каранаевский и Мрясимовский могильники) отнес к так называемому «мрясимовскому типу» [Мажитов, 1977. С. 75-77; Он же, 1981. С. 147-159]. Данный тезис был им достаточно слабо обоснован и не прижился в науке.

Еще ранее, в начале 50-х годов XX века, пермские археологи под руководством О.Н. Бадера, отнесли памятники рассматриваемого нами облика (Селянинский могильник, городище Лобач и др.) к особой *сылвенской археологической культуре*. В.Ф. Генинг объединил в ее рамках не только памятники Кунгурской лесостепи в Предуралье, но и городища на р. Исети в Зауралье. Специалисты большей частью критически относятся к выделению сылвенской культуры, и, особенно, к совмещению в рамках единого комплекса древностей явно различающегося облика [Пастушенко, 2002. С. 171-187; и др.].

Таким же искусственным образованием выглядит так называемая «чумойтинская культура», выделенная Р.Д. Голдиной и ее коллегами в

Южной Удмуртии. Во всяком случае, требуется обоснование включения в рамки этой «культуры» типичных чияликских шнуровых комплексов (типа Дербешкинского некрополя или святилища Чумойтло). Для нас несомненна принадлежность рассматриваемых памятников, содержащих сосуды гребенчато-шнурового облика в Предуралье и Зауралье, к чияликской культуре.

Еще одна точка зрения на проблему выделения особой археологической культуры для древностей предков башкир принадлежит автору. Она в целом близка к концепции Е.П. Казакова, с той лишь разницей, что в рамках единой ЧК (существовавшей с начала X и до начала XV вв.) выделяются два хронологических этапа: *ранний* (соответствующий «постпетрогромской культуре» у Е.П. Казакова, датирующийся домонгольским временем) и *поздний* (соответствующий «чияликской культуре» у того же исследователя). Другими словами, нами объединяются две выделенные Е.П. Казаковым родственные культуры в единую археологическую культуру предков современных башкир [Казаков, 2007. С. 61].

И все же, главные споры по вопросам ЧК связаны не с названием и продолжительностью существования данной археологической общности, а с проблемой языковой принадлежности ее носителей. Н.А. Мажитов считал представителей выделенного им мрясимовского типа тюркским этносом – «древними башкирами». С точки зрения Е.П. Казакова, пришедшие из-за Урала постпетрогромцы и родственные им чияликцы относились к угорской языковой общности. По его словам, «В целом собственно постпетрогромские памятники следует связывать с угорскими группами эпохи средневековья... И в настоящее время у иштяков – тюркизированных угров – сохраняются элементы древней культуры угров (налобные повязки-хараусы, пластинчатые варганы и т.д.)» [Казаков, 2007. С. 57, 64]. Именно их средневековые авторы называли баскардами (т.е. башкирами). И лишь со временем, уже в Предуралье, эти угорязычные этнические группы подверглись постепенной мусульманизации и тюркизации. Ассимилировавшись в тюркской этнической среде и включив в свой состав большое число кыпчаков (разгромленных в казахстанских степях монголами), предки башкир постепенно утратили свой угорский язык, став носителями современного тюркского (башкирского) языка кыпчакской группы. В XVII в. хан Абу-л-Гази об этом трагическом событии первой половины XIII в. высказался так: «*Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам* (т.е. башкирам – Г.Г.). *Большая часть иштяков теперь явля-*

ется потомками тех кыпчаков» [Кононов, 1958. С. 44].

В данный момент именно точка зрения Е.П. Казакова считается специалистами наиболее убедительной и ее придерживается большая часть археологов региона [см.: Белавин и др., 2009]. Памятники ЧК раскапывались археологами разных областей и республик Урало-Поволжья: В.Ф. Генингом, Р.Д. Голдиной, Н.А. Мажитовым, Е.П. Казаковым, Р.Эрдели (Венгрия), В.А. Ивановым, В.С. Горбуновым, Г.Т. Обыденновой, И.Ю. Пастушенко, В.Д. Викторовой, Г.Н. Гарустовичем, Л.И. Ашихминой, Т.К. Ютиной, Ю.М. Кутаковым, Е.М. Берс и др. А начиналась эта работа раскопками А.А. Спицына 1902 г. в Пермской области, на могильнике «Селянино Озеро» под г. Кунгуром.

Ранний (постпетрогромский или мясимовский) этап чияликской культуры. Как уже говорилось выше, в конце IX или в самом начале X веков в лесостепные районы Предуралья с востока проникает новое население. «Носители постпетрогромской посуды лишь в конце X в. пришли в страну болгар из районов петрогромской культуры Среднего Урала (т.е. из горно-лесной зоны Зауралья), – утверждал Е.П. Казаков, – в домонгольский период они занимали огромную территорию в Урало-Поволжье» [Казаков, 1989. С. 122-133]. За короткий период переселенцы (по археологической терминологии – носители керамики постпетрогромского типа) заняли обширную территорию, охватывающую участки лесостепной зоны в Предуралье, и, предположительно, в Зауралье. Наибольшая насыщенность памятниками рассматриваемого типа фиксируется на востоке современного Татарстана и в пределах нынешнего Башкортостана. Известны они также в Удмуртском Предкамье (слои на Елабужском, Каменный Лог [Ашихмина, 1977], Благодатском I городищах, Быргындинском IV поселении и др.), в Сылвенско-Иренском поречье в Кунгурской лесостепи (могильники Селянино Озеро и Усть-Кишерть, городища Верх-Саинское I и Лобач) (рис. 1).

Важнейшим культурным индикатором полукочевников лесостепной зоны эпохи средневековья является их специфический керамический комплекс с орнаментом гребенчато-шнурового типа. Керамика ранней стадии чияликской культуры (постпетрогромская или мясимовская) круглодонная, в основном, чашевидная, с резким переходом венчиков в раздутое тулово. В качестве основных обезжиривающих примесей использовались толченая раковина или тальк. Цилиндрическая горловина горшков имела высоту около 3 см, что составляет треть или четверть всей высоты сосуда. Как правило, горловина име-

ет скошенный внутрь край венчика, с зубчатыми вдавлениями (рис. 3, 1-5).

Сосуды украшены по венчику горизонтальными поясками из оттисков веревочки или зубчатого штампа. Вторая орнаментальная зона располагалась на плечиках и была представлена отпечатками гребенки в виде зигзага, елочки, наклонных полос и т.д. Е.П. Казаков подчеркивал: «Такая посуда в большом количестве появляется в памятниках Волжской Болгарии в конце X в. Хотя она отмечается на территории всей страны, однако ее наибольшая концентрация наблюдается в низовьях Камы, верховьях рек Була и Кубня, на Самарской Луке» [Казаков, 2007. С. 52].

Со временем, под влиянием болгарского гончарного производства, на территории Волжской Болгарии появляется своеобразная гибридная посуда, которая по форме и орнаментальным композициям аналогична постпетрогромской, но в глиняное тесто вместо раковины добавляются песчаные примеси. Кроме того, оттиски веревочки и гребенки на венчиках сосудов заменяются резными линиями, да, к тому же, появляется образцы подобной «смешанной» керамики, изготовленные на гончарном круге. По утверждениям специалистов, данная «гибридная керамика разделяется на несколько групп, исследования которых фактически еще не велись. Со временем формируются и группы круговой болгарской керамики (джукетауская и др.), в которых лишь частично отражены постпетрогромские традиции» [Там же]. Отметим также то, что тесные контакты уральского лесостепного населения и болгар четко прослеживаются буквально на всех уровнях взаимодействия. Практически на всех памятниках постпетрогромского типа неизменно встречаются фрагменты круговой болгарской посуды.

В принципе, археологи достаточно давно обратили внимание на специфику керамики гребенчато-шнурового типа, называемой сейчас постпетрогромской, мясимовской или раннечияликской. К особой VII группе керамики волжских болгар отнесла постпетрогромскую посуду Т.А. Хлебникова. По ее мнению, происхождение данного комплекса следует связывать с неволинской культурой Прикамья. Тогда как гибридная посуда, выделенная в VIII группу, считалась производной от кушнаренковской [Хлебникова, 1984. С. 106-116]. Однако, позднее Е.П. Казаковым был обоснован тезис о том, что истоки керамики постпетрогромского облика уводят нас в круг уральских культур гребенчато-шнурового типа. Главная трудность в изучении генезиса данного комплекса связана с очень слабой изученностью памятников средневековья в лесостепных районах Зауралья.

Как это видно уже из названия, Е.П. Казаков истоки ППК выводит из культурно-этнического образования I тыс. н.э. в Зауралье – петрогромской культуры [Казаков, 1987. С. 26]. При этом он отмечает, что данная культура еще очень плохо изучена. «До сих пор не опубликованы... материалы раскопок О.Н. Бадера, Н.П. Кипарисовой, А.И. Рассадович на жертвенных местах горного Урала (Синяя Гора, Гольный Камень) в середине прошлого века. Лишь общая характеристика культуры дана в работе В.А. Могильникова, который датировал ее X-XIII вв. [Могильников, 1987. С. 177-179]. ... В то же время уральские исследователи (В.Д. Викторова, В.М. Морозов и др.) достаточно четко выделяют собственно петрогромские черты культуры, связывая их с древнеуральским этносом [Морозов, 2004. С. 110-114]» [Казаков, 2007. С. 54].

Основные памятники постпетрогромского (раннечиялыкского) типа представлены поселениями, могильниками и святилищами, среди которых численно преобладают погребальные объекты.

Поселения. На раннем этапе ЧК ее носители вели подвижный образ жизни, поэтому их поселенческие памятники имеют тонкий культурный слой. Чаще всего это были сезонные стоянки носителей полукочевого типа хозяйства. К тому же, поселенческие памятники ЧК изучены специалистами совершенно недостаточно и намного хуже, нежели их погребальные объекты. На раннем этапе расселения постпетрогромцы достаточно часто использовали в своих целях оборонительные памятники (городища) предшествующих эпох. Так, следы их присутствия обнаруживаются на городищах по берегам рек Уфы (Бажинское, Чандар, и др.) [Овсянников, Сунгатов, 2005] и Белой (Кара-Абыз, Чертово). Видимо, на городищах полукочевники спасались в минуты опасности, а также, возможно, устраивали здесь свои зимники. Но и в низменных местах, по берегам и в поймах рек, фиксируются их поселенческие объекты (летние кочевки). Пока еще рано говорить о том, какие жилищные и хозяйственные конструкции возводились постпетрогромцами. Чаще всего археологам попадаются следы простых кострищ, остатки хозяйственных ям, подземные погреба. Однако они, по всей видимости, жили не только в юртах, но также имели деревянные срубные дома и полуземлянки на зимних стойбищах.

Самыми обычными находками на поселениях являются фрагменты лепной керамики и обломки костей животных, а также железные ножи и наконечники стрел, стеклянные бусы и глиняные пряслица. На территории современного Башкортостана наличием достаточно мощных пластов культурного слоя домонгольского времени выделяется два памятника – Кара-Абыз и Уфимское

(Чертово) городища. Раскопками В.В. Гольмстен 1910-1912 гг. на территории Чертова городища в Уфе, которое существовало в конце раннего и в начале завершающего этапов ЧК, выявлено значительное число остатков жилищ-полуземлянок с очагами-сувалами, срубных жилищ, подземных бань(?) и погребов. Не менее интересные средневековые материалы получены на городище Кара-Абыз, в ходе раскопок А.В. Шмидта (1928 г.) и В.А. Иванова (1973 г.). Основываясь на находках археологов, мы сейчас можем говорить о том, что у постпетрогромцев высокого развития достигали кожевенное дело, обработка дерева и кости, гончарное ремесло, а также выплавка бронзы и ковка железа. Находки глиняных грузил от сетей и позвонки рыб (стерлядь, сом, щука и др.) говорят нам о том, что в качестве подсобной отрасли хозяйства спросом пользовалось рыболовство. О популярности охоты на медведя и лося свидетельствуют подвески-амулеты из когтей и зубов самого крупного на Урале хищника, а также обломки лосиных рогов. Учитывая полное отсутствие на памятниках домонгольского времени сельскохозяйственных орудий (ральников, серпов, кос и т.д.), видимо, о развитии пашенного земледелия у предков башкир говорить не приходится даже в предположительном плане.

В пределах восточного Татарстана дело с изученностью поселенческих объектов постпетрогромцев обстоит несколько не лучше, чем в Башкортостане. Здесь небольшие раскопки проводились лишь на нескольких памятниках к югу от р. Кама: Миняровском I, Семиостровском I и Меллятамакском VII селищах [Казаков, 1987. С. 71]. Находки на этих летних стоянках немногочисленны и схожи с артефактами с территории Башкортостана.

Могильники. Из всех типов памятников постпетрогромцев активнее всего изучаются их погребальные объекты. Ранние чиялыкцы хоронили своих умерших в курганных и грунтовых могильниках. Самые известные курганы расположены на северо-востоке Башкортостана, а наибольший вклад в их изучения внес Н.А. Мажитов.

Курганные могильники постпетрогромского (мрясимовского) типа (рис. 2, 1-5) расположены в Предуралье и Зауралье (Смолино): Каранаево (17 кург., 73 погр.), Бакалы (8 кург., 12 погр.), Смолино (1 кург.), Мрясимова (24 кург., 35 погр.), Бурлы (1 кург.). Всего исследован 51 курган, в которых выявлено 121 погребение. Все курганы земляные, с диаметрами насыпей от 4 до 23 м, с преобладанием размеров 5-8 м. В насыпях встречаются угли, фрагменты керамики, кости лошади. Могильные ямы простые, очень неглубокие. Умершие покоились вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и ногами. Преобладает запад-

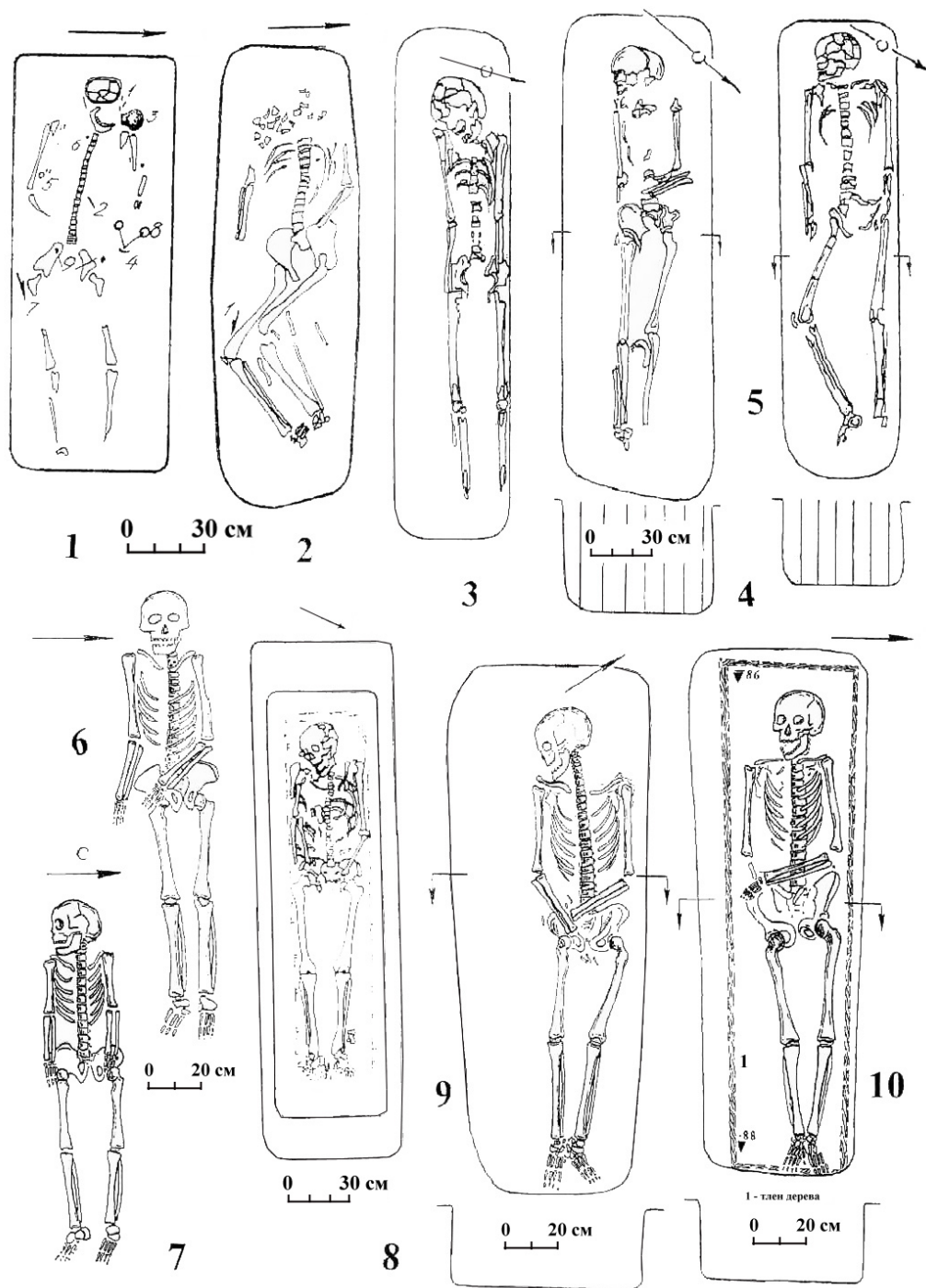

Рис. 2. Погребения чиялыкской культуры:

1-5 – захоронения первого (постпетрогромского или мярсимовского) этапа; 6-10 – захоронения второго (позднего) этапа (1-2 – Кишертский грунтовый могильник; 3-5 – Тураевский II; 6-7, 9-10 – Нижне-Хозятовский могильник; 8 – Азметьевский I могильник)

ная и юго-западная ориентировка головы. В могилах расчищены захоронения мужчин, женщин и детей. Можно уверенно говорить, что отдельные насыпи служили семейными усыпальницами (например, курган №5 Бакалинского могильника, в котором под одной насыпью захоронены три ребенка и мужчина). В могилах встречались угли,

обрывки бересты, куски дерева. Особо хочется обратить внимание на традицию размещения в погребениях (49%) костей лошади, в основном – плечевых, а также, изредка, ребер или копыт (Каранаево, кург. №3/27, 4/5).

Человеческие костяки сопровождался заупокойным инвентарем: бытовыми вещами, ору-

жием, конским снаряжением, а также украшениями и сосудами – у женщин и детей.

Постепенно традиция насыпать над захоронениями умерших курганные насыпи отмирает, уступая место простым грунтовым могильникам. Самыми известными грунтовыми некрополями раннечияликского времени являются Гулюковский (Татарстан), Селянино Озеро и Усть-Кисерт (Пермская обл.), а также, видимо, Кушулевский (Башкортостан) могильники (рис. 2, 1-5). Погребальная обрядность в грунтовых некрополях мало чем отличалась от похоронных ритуалов курганных могильников. Отметим лишь тенденцию постепенного исчезновения из могильных ям конского снаряжения, а затем и оружия. В Зауралье курганные насыпи возводились несколько дольше, нежели в Предуралье (см., например, Макушинский могильник в Свердловской обл. [Викторова, 1964]), но и там со временем грунтовые могильники становятся преобладающими (Пылаевский, Казакбаевский, Замараевский) [Кутаков, Старков, 1997. С. 130-147; Корякова и др., 1999. С. 73-89; Гарустович и др., 2008. С. 60-62].

Важно отметить, что уже на ранней стадии существования чияликской культуры в ее погребальных памятниках постепенно все явственнее начинают фиксироваться мусульманские элементы. Особенно определенно исламские черты становятся заметны к XII в., примером чего могут считаться такие памятники, как Каранаевские и Мрясимовские курганы (Башкортостан), или грунтовые могильники – Гулюковский (Татарстан), Кушулевский (Башкортостан) и Усть-Кисерт (Пермская обл.). При содействии мусульманских купцов из Средней Азии и, особенно, под влиянием болгар, ислам начал свое проникновение в этническую среду предков башкир еще в домонгольский период, постепенно «продвигаясь» с запада на восток. В приграничных с булгарами регионах уже на раннем этапе ЧК появляются отдельные, чисто мусульманские кладбища, на которых не фиксируются языческие захоронения (к примеру, Тураевский II могильник в Татарстане) [Армагынская, 2007. С. 120-130]. Не исключено, что уже в домонгольскую эпоху мусульманские общины (уммы) появляются у башкир лесостепного Зауралья.

Уникальным памятником раннего этапа чияликской культуры является *святителище* Чумойтло, расположенное в Удмуртии. Раскопки данного языческого обрядового центра проводились Р.Д. Голдиной, которая считает, что на протяжении XI-XII вв. оно использовалось для отправления охотничьих промысловых культов [Голдина, 1987. С. 84-106]. Здесь отмечены многочисленные следы жертвоприношений, обширные кострища и очаги, множество обожженных и не-

божженных костей животных, костяных (7 экз.) и железных (70 экз.) наконечников стрел, железных кованых ножей, обломков лепной (постпетрогромские глиняные емкости и круглодонные, слабо орнаментированные горшки пермского населения), а также гончарной (булгарской) посуды. Анализ костных остатков показал, что в культурном слое святителища преобладают остатки диких животных (85%), большая часть из которых принадлежала северному оленю и лосю (66,8%).

Р.Д. Голдина считает Чумойтло остатком куалы – местом семейных и родовых молений предков удмуртов [Там же. С. 88]. Однако Е.П. Казаков пришел к мнению о несомненном сходстве этого культового объекта со святителищами угров, для которых характерны кострища и элементы охотничьей магии (наконечники стрел) [Казаков, 2007. С. 57]. Например, на мансийских селищах в жертву лесным духам приносили лося, при этом, опасаясь гнева лесного духа, избегали жертвовать мясо домашних животных [Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 151, 184].

В Башкортостане, на месте выхода реки Зилим из горных теснин на равнину (Гафурийский район РБ), находится не менее интересный культовый памятник – жертвенная гора Уклякая («Стреляная гора»). На крутом склоне горы найдено уже свыше 500 самых разнообразных железных и костяных наконечников стрел X – начала XIII вв. [Котов, 2011. С. 131-136; Гарустович, Овсянников, 2012. С. 179-187]. По всей видимости, стрелы в гору посылали со стороны реки, снизу вверх. Проводившиеся здесь обряды жертвоприношений связаны с охотничьим культом у башкир, в завершающий период бытования у них политеистических верований.

Датировки памятников рассматриваемого нами типа основываются на хронологии вещевого материала, а также на данных нумизматики. Так, в кургане №7 Каранаевского могильника вместе с постпетрогромской посудой гребенчатощнурового типа обнаружена монета конца X в., а в Мрясимовских курганах встречено подражание саманидской монете 954-961 гг. [Мажитов, 1981. С. 115-155].

Поскольку Е.П. Казаков ограничивает существование выделенной им ППК концом XII в., перед ним неизбежно возникает проблема исторической судьбы данного этнического образования. Постпетрогромское население, по его мнению, подвергается ассимиляции в среде пришедших из-за Урала родственных племен, называемых им чияликами [Казаков, 1987. С. 26-28]. В качестве этнического компонента они также вошли в состав болгар, удмуртов и других соседних народов. С нашей же точки зрения, на рубеже XII-XIII вв. никаких крупных этнических подвижек в

регионе не фиксируется. Все немногочисленные новации, отличающие так называемых «постпетрогромцев» и «чияликцев» (по Е.П. Казакову) или раннечияликский и позднечияликский этапы единой культуры (по мнению автора), легко объяснимы с позиций эволюционного процесса, т.е. обычного стадиального развития единого этноса.

Поздний (чияликский) этап чияликской археологической культуры охватывает период XIII-XIV вв. Это было время монгольского нашествия и период существования Башкирского улуса Золотой Орды. Точнее, башкирские земли оказались разделенными между двумя улусами Монгольской империи: лесостепные территории Предуралья составили отдельный Башкирский улус, а области Зауралья были присоединены к улусу Шейбана. При этом, из сообщений источников мы знаем о том, что башкирские племена при необходимости могли менять места своего проживания в пределах лесостепной зоны. К примеру, в шежере (родословной) племени юрматы говорится о том, что в период феодальных усобиц их предки из долин рек Зая и Шешмы (на востоке Татарстана) переселились на северо-восток, на реку Шадлык (р. Шады, правый приток р. Бирь), а затем к югу, на рр. Нугуш, Селеук и Тор [БШ, 1960. С. 31-35, 177-183]. В шежере башкир-минцев записано: *«Наши прадед Мурадым [идя] от Златоуста по реке Белой и побывав на Белом озере, побывав в Ялангасте, ...был похоронен на берегу Уршака»* [Там же, С. 70]. Здесь описана дорога из Зауралья в Предуралье – на р. Уршак в Башкортостане. Люди племени ирякте с рек Бармы и Камы передвинулись на Мензелю и р. Ик (*«...спустились по Чулману... потом он дошел до реки Ик, поднялся вверх по Ику, на месте впадения в него реки Мелля»*) [Булгаков, Надергулов, 2002. С. 361-362, 364, 375].

Несколько забегаая вперед, отметим, что в пределах Башкортостана археологи фиксируют наличие нескольких административных пунктов (либо – фискальных факторий) государственной власти Улуса Джучи в Башкортостане. Предположительно, центр Башкирского улуса находился в районе оз. Акзиарат (Чишминский р-н РБ, у пос. Чишмы), там, где сейчас высится мавзолей Хусейнбека и в относительной близости расположен кэшэнэ Тура-хана. На северо-востоке Башкортостана известно также Турналинское городище (Салаватский р-н), на юге – Санзяповское селище (Кугарчинский р-н). Есть еще интересное городище на территории города Уфы, называемое «Чертовым». На всех названных памятниках, помимо лепной местной и станковой болгарской керамики, встречаются фрагменты привозной гончарной золотоордынской посуды с голубой, бирюзовой и коричневой поливой.

Свой обзор интересующего нас чияликского этнокультурного образования начнем со слов его первооткрывателя – Е.П. Казакова. «Для археологии и истории Восточной Европы важным этапом является открытие в конце 60-70-х годов XX в. чияликской культуры. Она была оставлена теми же приуральскими уграми, сохранившими ряд основных элементов языческой культуры, в том числе лепную круглодонную керамику с гребенчато-шнуровой орнаментацией. В то же время, чияликское население, в конечном итоге тюркизированное и принявшее ислам, стало существенным компонентом в этногенезе современного тюркоязычного населения Урало-Поволжья – казанских татар и башкир» [Казаков, 2007. С. 59]. Полевые исследования «позволяют... локализовать памятники чияликской культуры на широкой, в основном – лесостепной, территории от р. Ик в Восточном Закамье до низовий левобережной части Тобола» [Там же. С. 62]. Время бытования поздней стадии чияликской культуры приходится на рубеж XIV-XV вв. Этим временем вынуждено завершается наш исторический обзор. Что было позже – мы весьма слабо представляем, поскольку памятники XV-XVI-XVII вв. очень плохо изучены. Кладбища этого времени характеризуются наличием выдержанной исламской похоронной обрядности с минимумом языческих пережитков. Этнические элементы на таких погостах полностью подменяются нормами, продиктованными шариатом, поэтому они малоинформативны. Пока что изучение этого важного пласта истории башкирского народа – дело неопределенного будущего.

Как это обычно бывает, в нашем случае важнейшим этнокультурным диагностирующим признаком ЧК является керамика. Круглодонные чашевидные и кринкообразные сосуды, ручной формовки, неровного кострового обжига, имели цвет поверхностей от желтоватого до черного тонов. Основной примесью к тесту глины служили песчаные добавки. Верхний срез венчика часто закрутлен, орнаментация его встречается, но значительно реже, нежели у постпетрогромских сосудов. Шейка блоковидной формы украшена оттисками шнура, ниже, на плечиках, нанесены гребенчатые или резные фигуры (зигзаги, елочки, полосы с бахромой, подковки). На верхней части тулова отдельных емкостей сделаны налепы – имитации ушек. В сравнении с постпетрогромской посудой, степень орнаментации чияликских горшков беднее (рис. 3, 6-15), а на завершающей стадии существования культуры все чаще встречаются сосуды совсем без орнамента. Тем не менее, нет никаких оснований кардинально разделять керамику двух этапов рассматриваемой культуры. В общем-то, различия минимальны и объясняют-

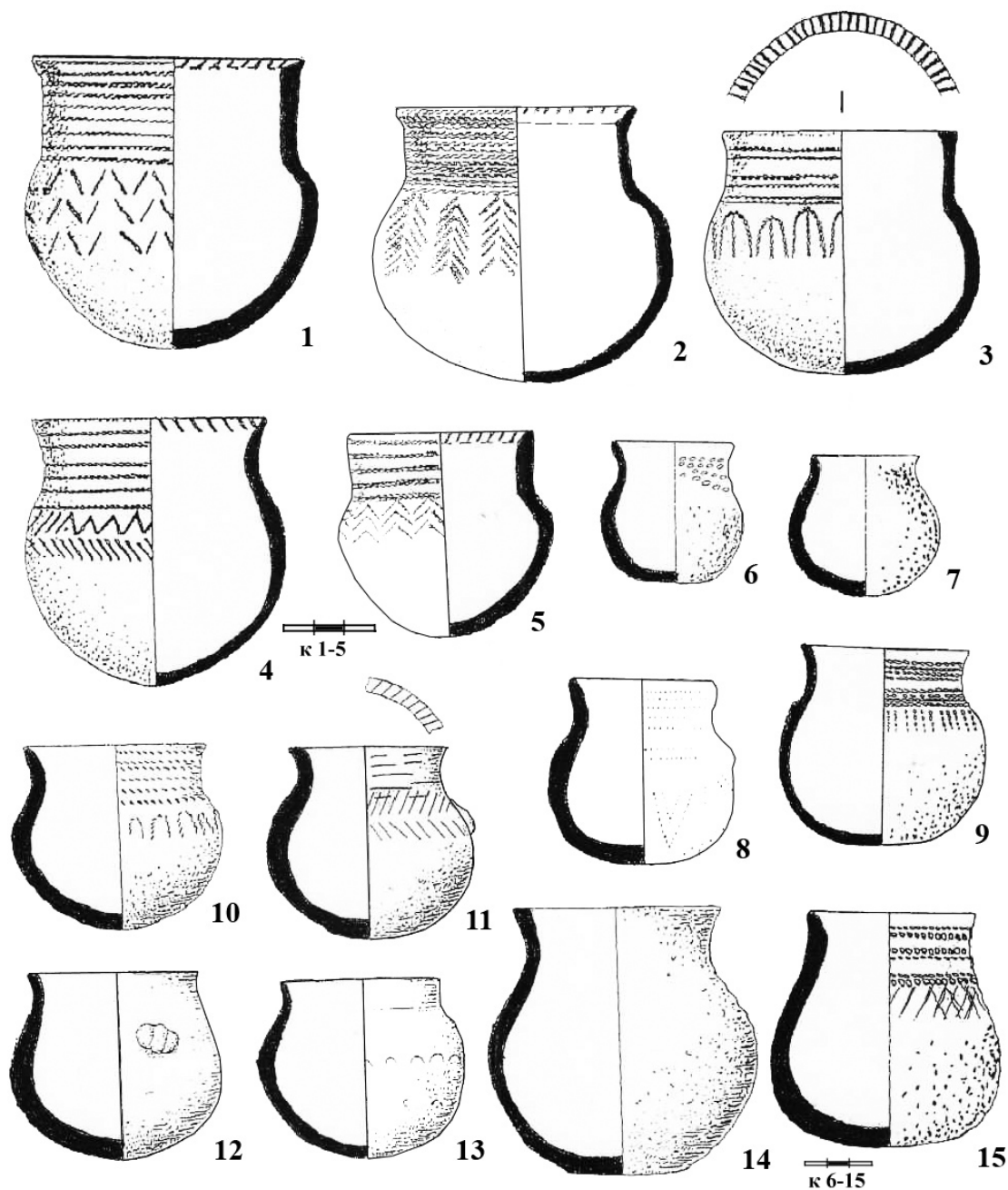

Рис. 3. Лепная керамика чияликской культуры:

1-5 – сосуды первого (постпетрогромского или мрясимовского) этапа; 6-15 – сосуды второго (позднего) этапа (1-5 – Кишертский могильник; 6-15 – Такгалачукский могильник)

ся обычной внутренней эволюцией гончарных традиций. После XIV в. местная лепная посуда вообще выходит из употребления, заменяясь привозными гончарными сосудами и емкостями из дерева и кожи.

Основные памятники

Поселения. На востоке современного Татарстана известны незначительные по площади селища – остатки кочевых сезонных стоянок приуральских племен. Чияликские поселения располагались на небольших высотках в долинах

рек или по краям возвышенных террас. Небольшим раскопкам подвергались Игимское, Чияликское, Меллятамакское VI селища, на которых фиксировался культурный слой мощностью 20-40 см. Находки представлены обломками костей животных, фрагментами лепной круглодонной посуды гребенчато-шнурового облика, изделиями золотоордынского времени (пряслица, ножи, проколки, наконечники стрел, блесны) и т.д. Строительные объекты немногочисленны, среди них хозяйственные ямы, очаги, остатки фунда-

ментов наземных (срубных) жилищ. Osteологический материал свидетельствует о высокой роли лошади и крупного рогатого скота в хозяйстве приуральского полукочевого населения. «На VI Меллятамакском селище расчищены остатки наземного культового сооружения с каменной вымосткой, какие встречаются на святилищах угров» [Казаков, 1985. С. 150; со ссылкой на работу: Чаиркин, 2004. С. 443].

На поселенческих памятниках Башкортостана мы встречаем остатки зимних и летних временных стойбищ, но, пока еще эти селища мало подвергались стационарным исследованиям [Гарустович, Иванов, 1992. С. 121-122]. На Горновском (Чишминский р-н) и Юрматы (Федоровский р-н) селища выявлены остатки переносных жилищ – войлочных юрт, а также берестяных шалашей и чумов. В целом, Горновское селище (раскопки Г.Н. Гарустовича, В.А. Иванова и Г.Т. Обыденновой) является наиболее изученным, реперным памятником ЧК. Здесь прослежены остатки различных стационарных (каркасно-столбовых, турлучных) и переносных жилищ, очагов, обложенных камнями, подсобных и производственных помещений (погребов, хозяйственные ямы, бани) [Гарустович, 1998; Обыденнова и др., 2007. С. 306-311]. На зимниках (Уфимское (Чертово) городище) и селищах в Зауралье (Верхне-Спасском и Ишкуловском поселениях) выявлены остатки жилищ-полужемлянок и остатки наземных срубных домов, которые отапливались очагами и печами-сувалами. Находки на поселениях представлены керамикой и костями животных, а также железными ножами, топорами, пешнями, рыболовными крючками и глиняными грузилами, серпами и косами, шлаками и костяными орудиями. Отметим находки предметов, говорящих о наличии пашенного земледелия в XIV в. – ральников, плужных резаков и т.д. (Уфимское городище, Горновское селище и Нижне-Хозятовский клад). Принципиальным моментом нам представляется необходимость обратить внимание на то, что рассматриваемые конструктивные особенности поселенческих объектов чияликцев находят полные аналогии в этнографии башкирского народа [Гарустович, 1998]. Констатируем также то, что на поселенческих памятниках золотоордынской эпохи местная лепная керамика всегда встречается вместе с гончарной болгарской посудой. Причем в XIV в. импортные емкости начинают преобладать над сосудами местного производства. К примеру, на территории Горновского селища (Чишминский р-н РБ) отмечено соотношение чияликской и болгарской посуды как один к трем. Это и понятно... «Чияликское население всегда имело тесные отношения с волжскими болгарями. Так, на Меллятамакском и других

селищах Восточного Закамья вместе встречается чияликская шнуровая и болгарская круговая посуда. В чияликских некрополях постоянно находят изделия болгарских ремесленников» [Казаков, 1978. С. 63].

Погребальные объекты. Наибольшая концентрация чияликских памятников фиксируется вдоль восточных границ Булгарского улуса Золотой Орды (по рубежам бывшей Волжской Булгарии), восточнее рек Зай и Шешма в современном Татарстане (рис. 1). Не случайно именно здесь локализуются реперные памятники чияликской культуры, раскопанные Е.П. Казаковым. Это Такталачукский грунтовый могильник, на котором вскрыто 274 погребения из предполагаемых 300, а также Азметьевский I некрополь [Казаков, 1978. С. 71-84; 1987. С. 25-33; 2007. С. 59-65], где из предполагаемых 400 захоронений расчищено 107. С учетом хорошо изученного и близлежащего Дербешкинского могильника (раскопки Т.К. Ютиной и Н.Л. Решетникова, всего 121 погр. [Ютина, 2007. С. 73-98; Решетников, 2007. С. 155-164]), только в низовьях р. Белая изучено свыше 500 средневековых погребений. Неподалеку расположен еще один крупный могильник – Кушулевский (Дюртюлинский р-н РБ; раскопки И. Эрдели [1961. С. 307-319], Н.А. Мажитова и Б.Б. Агеева 50-70-х гг. XX в.; исследовано свыше 80 погр.), который также мог бы стать опорным памятником ЧК, но, к сожалению, материалы его до сих пор не опубликованы. При этом, важность Кушулевского могильника для нашей темы несомненна, поскольку он существовал в конце XII-XIII вв., т.е. в переходное время от постпетрогромского (мрясимовского) этапа к поздней (чияликской) стадии. Он может считаться доказательством непрерывного развития чияликской культуры в начале II тысячелетия н.э. (в частности, в XI-XIII вв.).

В целом, погребальные объекты XIII-XIV вв. выявлены в Предуралье (рис. 2, 6-10) и в Зауралье (могильники Челябинской и Курганской областей – Перегон, Замаараевский, Казакбаевский [Шорин, и др., 1999; Гарустович, и др., 2008. С. 56-68; Корякова, и др., 1999. С. 73-89; Костюков, 2006. С. 444-457]). Все они несут в себе важную черту – погребения здесь совершены по мусульманскому обряду, а языческие пережитки уже можно считать исключением. В Предуралье, помимо некрополей в восточном Татарстане (кроме указанных выше объектов, назовем еще Старо-Селищенское кладбище [Нефедов, 1899. С. 67-68], Старо-Варяшские I и II грунтовые могильники [Казаков, 1971; 1978. С. 82]), известны памятники в южной Удмуртии (Бельский Шихан [Стрельцов, 1914. С. 97-98]), но больше всего их выявлено в Башкортостане. Здесь выделяется

несколько скоплений грунтовых могильников: на реках Ик и Сюнь расположены могильники Казыбиргян, Кара-Яр [Гарустович, 1988. С. 130-139], Тукмак-Каран, Карповский, Нагайбакский I и II; на Нижней Белой – Базитамакский, Байгильдинский [Васюткин, Горбунов, 1972. С. 216-217], Кушулевский [Эрдели, 1961. С. 307-319], Казакларовский [Иванов, 1981. С. 132-133; Гарустович, 1988. С. 130-137], Ахметовский I и II [Збруева, Тихонов, 1970]; к северу от русла р. Белой – Старо-Нагаевский [Гарустович, 1988. С. 130-137], Алтаевский [Останина, 1987. С. 33-38], Резяповский, Биктимировский (поздний); «Демская» группа – Новотроицкий, Нижне-Хозятовский, Горновский, Караякуповский [Гарустович, 1988. С. 130-139], Нижегородский III; «Среднебельская» группа – Шиповский (поздний) [Он же, 2005. С. 37-44], Охлебнинский (Ак-Таш) [Касьянов, 1929; Иванов, 1977. С. 292-295], Ибрагимовский, Шах-Тау [Викторова, 1962. С. 170; Садыкова, 1971]. Названные памятники различаются по количеству выявленных захоронений и по степени изученности, но в целом на них расчищено уже более 850 погребений.

Из общей массы выделяются два некрополя – Куштирякский курганный могильник (Бакалинский р-н РБ) и Сынгрязновский курганно-грунтовый могильник (Илишевский р-н РБ). Уже из названий видно, что они отличаются тем, что здесь над некоторыми захоронениями были насыпаны небольшие курганные насыпи. Для периода XIII-XIV вв. курганный обряд с земляными насыпями был уже явным анахронизмом. В остальных мусульманские погребения в этих памятниках ничем не отличаются от обычных грунтовых захоронений.

Могила в некрополях располагались рядами, которые развернуты по линии СЗ-ЮВ. Между ними выявлены зольники, ямы с костями и зубами лошади, другие остатки поминальных обрядов. Умершие захоронены в простых могильных ямах на небольшой глубине, взрослые покоились глубже чем дети. Положение костяков единообразное – вытянуто на спине, с ориентировкой головы к юго-западу, реже – на запад (рис. 2). Преобладает разворот лица к югу (на кыблу), в сторону Мекки. Встречено несколько скорченных женских погребений. В некоторых женских и детских могилах слева от головы умершего стояли лепные круглодонные сосуды, украшенные оттисками веревочки или зубчатого штампа. Погребальный инвентарь состоял из бронзовых украшений (височные подвески, перстни, серьги), стеклянных бус и бисера, металлических наглазников от погребальных покрытий (масок), железных скоб, ножей, пряжек. В межмогильном пространстве обнаружены удила с кольцами,

ножи, чешуйки от панциря, наконечники стрел, бронзовые подвески и накладки.

Интересными находками на территориях могильников являются серебряные монеты, поскольку на них основывается хронология позднего этапа чияликских древностей. В Азметьево (погр. 88) обнаружена монета хана Узбека (чекан Булгара), а из захоронений 84, 206 и 308 могильника Такталачук происходят два дирхема Узбекхана и две монеты хана Джанибека [Казаков, 1978. С. 42-93, 108-118].

Важной вехой в деле изучения чияликских памятников следует считать выделение Е.П. Казаковым двух хронологических горизонтов в рамках погребальных объектов XIII-XIV вв. При изучении в 1979 г. северо-западной окраины Азметьевского I некрополя (раскоп VII) им была подмечена интересная закономерность в изменении мусульманской погребальной обрядности, в результате чего были выделены ранние и поздние захоронения. В **ранних** чияликских погребениях преобладала юго-западная ориентировка головы, положение тела вытянутое на спине, фиксируется присутствие пережиточных отклонений от канонов шариата (разворот лица вверх, а не на кыблу, и др.) и наличие в могилах отдельных вещей. В **поздних** захоронениях мусульманский обряд более выдержанный костяки ориентированы головами на запад с отклонениями к северу, тела имеют уклон на правый бок, лица повернуты на кыблу, вещей нет [Казаков, 1987. С. 29-32]. Отсюда мы узнаем, какие изменения происходили в раннемусульманской обрядности на пути ее превращения в ортодоксальный мусульманский (т.е. современный) ритуал.

Развитие естественнонаучных методов в науке позволяет открывать новые направления и получать дополнительные знания о наших предках. К примеру, специалисты из Ижевска и Уфы – С.Е. Перевошиков, З.Г. Волкова и С.В. Рязанов занимаются изучением железообрабатывающего производства коренного населения Предуралья в начале II тысячелетия н.э. [Перевошиков, 2002; Перевошиков, Волкова, 2006. С. 71-80; Рязанов, Гарустович, 2007. С. 185-190]. Важнейшая информация содержится также в работах антропологов региона [Рудь (Постникова), 1978. С. 120-128; Ражев, 1997. С. 147-152].

Из работ, изданных в последние годы, явно выделяется монография специалистов из Перми и Уфы А.М. Белавина, В.А. Иванова и Н.Б. Крыласовой – «Угры Предуралья в древности и средние века» [2012], в которой был обобщен значительный объем имеющейся источниковой базы по проблеме уральского угроведения. Важнейшим итогом проделанной работы является выделение характерных вещевых комплексов, которые реально могут считаться этнодиагностирующими.

Исследования по обоснованию «угорских» черт погребальной обрядности и специфического заупокойного инвентаря начал еще Е.П. Казаков (лицевые маски, варганы, повязки-хараусы и др.), а авторы монографии успешно продолжили эту работу. В результате, в наши дни этнические определения угорских комплексов базируются не на умозрительных рассуждениях и личных желаниях археологов, а опираются на стройную систему научных доказательств.

Важнейшим подтверждением выводов, полученных на основе анализа археологических материалов, служат сообщения письменных источников начала XIII века. В поисках легендарной прародины – «Magna Hungaria» («Большая Венгрия»), в 1236 году венгерский монах-доминиканец Юлиан добрался до большой реки Этиль (р. Кама или низовья р. Белой). Здесь, к востоку от Волжской Булгарии он посетил «восточных венгров» (предков башкир). *«Язык у них совершенно венгерский: и они его понимали, и он их». «Водили его кругом по домам и селениям и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан». «Они – язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах... Татарский народ (т.е. монголы – Г.Г.) живет по соседству с ними...»* [Аннинский, 1940. С. 77, 81]. Монголо-татары, подчинив куманов (кыпчаков – Г.Г.), пошли войной на «Великую Венгрию, из которой происходят наши (т.е. европейские – Г.Г.) венгры, и напали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими...» [Там же. С. 85]. Юлиан определенно говорит о населении Предуралья как об обществе скотоводов (в первую очередь – коневодов) и охотников, говоривших в начале XIII в. на угорском («венгерском») языке. При этом приуральские племена имели дома и селения (в нашем понимании – сезонные становища), были воинственны и отважны.

В других нарративных источниках XIII века содержится значительно меньше информации о народах Южного Урала. Плано Карпини сообщает лишь о покорении Южного Урала монголами: *«Подвинувшись... против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их...»* [Карпини, 1957. С. 48, 57]. Гильом Рубрук, совершивший путешествие в Монголию в 1253-1255 гг., записал: *«То, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия Татар, «...с того времени жители ее были покорены соседними Булгарами и Саррацинами, и многие из них стали Саррацинами»* (т.е. мусульманами – Г.Г.) [Рубрук, 1957.

С. 123]. Поскольку мы знаем, что ислам в сообщество чияликских племен (т.е. к предкам башкир) начал проникать значительно раньше XIII в., остается предположить, что монаха-минорита в заблуждение ввели слова Юлиана, который называл и болгар-мусульман и «восточных венгров» язычниками. В статье «Басджирт», написанной В.В. Бартольдом для энциклопедии ислама, академик отмечает (основываясь на фразе Истахри): *«...они (башкиры) подчинялись болгарам и в противоположность этому народу оставались еще язычниками... Даже в XIII в. еще не все башкиры стали мусульманами»* [Бартольд, 1968. С. 498].

Упомянув «большую реку, именуемую Ягак (р. Яик – Урал – Г.Г.), в 12 днях пути от Этили (р. Волга – Г.Г.)», Гильом Рубрук далее продолжает: *«Она течет с севера из земли паскатири (т.е. башкир – Г.Г.) и впадает в вышеупомянутое море (Каспийское море – Г.Г.). Язык паскатири и венгров – один и тот же; это пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией. От этой земли к востоку, по упомянутой северной стороне, нет более никакого города. Поэтому Великая Булгария – последняя страна, имеющая город. Из этой земли паскатири вышли гунны, впоследствии венгры...»* [Рубрук, 1957. С. 122-123]. Еще Рубрук говорит об уплате башкирами («Паскатириом, то есть Великой Венгрии») дани монголам дорогими мехами, точно также, как булгарами, мордвой, русскими [Там же. С. 98] и другими зависимыми народами.

Так, в «дневниках» западноевропейских путешественников появляется название земли, занимаемой башкирами – Баскарт или Паскатири, т.е. «Башкирия». В XIII веке в этой области не было городов, а главной отраслью хозяйства местных жителей было скотоводство. Земля паскатири простиралась за Уралом еще далеко на восток, соприкасаясь со «странами Мрака» [Там же. С. 154].

В своем знаменитом труде Рашид-ад-дин приводит историческую информацию, которая для XIV века выглядит явно устаревшей: *«Булар и Башгирд являются большой страной и (представляют собой) места недоступные. Несмотря на то, что (монголы) тогда завоевали ее, (жители ее) снова восстали, и она до сих пор не вполне покорена»* [Там же. С. 35]. Тогда же, в начале XIV в. (1320 г.), еще один католический проповедник – минорит Иоганка Венгр уже ничего не говорит о «Великой Венгрии». Южный Урал он называет «Баскардией» (страной «большого народа, подчиненного татарам») [Аннинский, 1940. С. 92]. *«И были там татары, судьбы баскардов... Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным саррацинским (т.е. мусульманским – Г.Г.) заблужде-*

нием...». Религиозный конфликт пришлых миссионеров с местными жителями – убежденными приверженцами ислама, чуть было не закончился для европейцев трагически: «но они (т.е. башкиры-мусульмане), боясь татар, не смели на это решиться...» [Там же. С. 92-93]. В первой половине XIV века, один из самых цитируемых арабских авторов эпохи средневековья – Аль Омари, указал со слов своего информатора – купца Хасана Эрруми: «Страны Сибирские и Чулымские, ...прилегают к Башкырдам. В земле башкырдов (находится) мусульманский кади, пользующийся почетом» [СМИЗО. Т. I. 1884. С. 238].

Таким образом, фактология средневековых нарративов не только подтверждает данные, вы-

явленные в ходе археологических исследований, но еще и дополняет наши знания об особенностях функционирования средневекового сообщества автохтонного башкирского населения.

Что же касается перспектив дальнейших научных исследований по теме, отметим их значительные возможности и несомненные перспективы для будущих полевых работ. Несмотря на массовые разрушения памятников археологии в наши дни, до сих пор сохранилось еще множество интересных и перспективных объектов, вполне пригодных для новых стационарных исследований. Не менее важным представляется также более оперативное введение в научный оборот материалов уже раскопанных ранее памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. III. М.: АН СССР, 1940. С. 71-112.

Арма́тынская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 120-130.

Ашихмина Л.И. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья / Отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск: Удмурт. ун-т, 1977. С. 139-166.

Бартольд В.В. Башкиры // Сочинения. Т. V. М.: Наука, ГРВЛ, 1968. С. 494-496.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 278 с.

Булгаков Р.М., Надергулов М.Х. Башкирские родословные. Вып. 1. Уфа: Китап, 2002. 480 с.

БШ – Башкирские шежере / Перевод Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.

Васюткин С.М., Горбунов В.С. Археологические исследования Башкирского государственного университета // Археологические открытия 1971 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 215-216.

Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УГУ, 1962. С. 155-173.

Викторова В.Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УГУ, 1962а. С. 135-153.

Викторова В.Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице // АЭБ. Т. 2 / Ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. С. 247-250.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н.э. // УЗ ПГУ. №191 / Труды Камской археологической экспедиции. Вып. IV / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1968. С. 240-256.

Викторова В.Д., Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей / Ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 173-192.

Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале / Ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130-139.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.

Гарустович Г.Н. Захоронения эпохи средневековья Шиповского грунтового некрополя (Шиповский поздний могильник) // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). Вып. VIII / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 37-44.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. С. 17-30.

Гарустович Г., Иванов В., Шилов С. Средневековые могильники лесостепной зоны Западной Сибири // Finno-Ugrica. №11. 2008. С. 54-68.

Гарустович Г.Н., Овсянников В.В. Средневековое святилище на горе Уклыкая на Южном Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. №1(35). 2012. С. 179-187.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.

Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв. ред. Л.А. Наговицин. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 84-106.

- Збруева А.В., Тихонов Б.Г.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 40-127.
- Иванов В.А.* Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. 1977. №1. С. 292-295.
- Иванов В.А.* Исследование памятников эпохи железа в нижнем течении р. Белой // Археологические открытия 1980 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 132.
- Казаков Е.П.* Отчет 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. №4647.
- Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.
- Казаков Е.П.* Исследования Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 1983 г. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1985. С. 150-151.
- Казаков Е.П.* Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 25-33.
- Казаков Е.П.* О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // Ранние болгары в Восточной Европе / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1989. С. 122-133.
- Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АНТ, 2007. 208 с.
- Карпини П.* История монголов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика / Ред. Н.В. Шастина. М.: ГИГЛ, 1957. С. 21-83, 195-221.
- Касьянов М.И.* На могиле Аташ-хана // «Красная Башкирия». 27 июня 1929 г.
- Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 191 с.
- Корякова Л.Н., Ражев Д.И., Ковригин А.А., Шаранова С.В., Берсенева Н.А.* Средневековый комплекс Большеказакбаевского 2 курганного могильника // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Часть 2. Материалы конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал, 1999. С. 73-89.
- Костюков В.А.* Культурные трансформации в урало-казахстанской степи в первой половине II тыс. н.э. // Археология Южного Урала (проблемы культурогенеза) / Ред. С.Г. Боталов. Челябинск: ЮУФИИ, 2006. С. 444-457.
- Котов В.Г.* Реликты культа гор у башкир по данным фольклора, этнографии и археологии // Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Р.М. Юсупова (Уфа, 17-19 ноября 2011 г.) / Ред. А.В. Псянчин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 131-136.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В.* Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1 / Технич. ред. Н. Гощицкий. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 130-147.
- Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII-XIV вв. М.: Наука, 1977. 239 с.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала в VIII-XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. С. 163-235.
- Морозов В.М.* История изучения петрогромской культуры // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: ООО «АКВА-ПРЕСС», 2004. С. 110-114.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. // МАВГР. Т. 3. М., 1899. С. 42-74.
- Обыденнова Г.Т., Иванов В.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б.* Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья в Чишминском районе Республики Башкортостан в рамках программы «Башкирский аул XVI-XIX веков: историко-археологическое исследование» // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография / Под ред. В.С. Горбунова, В.А. Иванова, Г.Т. Обыденновой. Уфа: Китап, 2007. С. 55-66.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А.* Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // УАВ. Вып. 5. 2005. С. 218-240.
- Останина Т.И.* Раннемусульманский могильник у д. Алтаево в Башкирской АССР // Погребальные памятники Прикамья / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 33-38.
- Пастушенко И.Ю.* История изучения так называемой «сылвенской» культуры // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Ред. В.И. Бацекало. Ижевск: Издат. дом «Удм. ун-т», 2002. С. 171-187.
- Пастушенко И.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. №9. 2005-2006. С. 40-70.
- Пастушенко И.Ю.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 162-184.
- Первошицков С.Е.* Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского ме-

ждуречья в эпоху средневековья (технологический аспект) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 2. Ижевск: ИИКНП, 2002. 176 с.

Перевозицков С., Волкова З. Результаты металлографического анализа железных предметов из Кишертских могильника и I поселения в бассейне реки Сылвы // *Finno-Ugrica*. №9. 2006. С. 71-80.

Ражев Д.И. Антропологическое исследование Пылаевского грунтового могильника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1 / Технич. ред. Н. Гощицкий. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1997. С. 147-152.

Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.

Решетников Н.Л. Исследования Дербешкинского поселения и могильника в устье реки Белой // *Finno-Ugrica*. №10. 2007. С. 155-164.

Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.: ГИГЛ, 1957. С. 87-194, 222-245.

Рудь (Постникова) Н.М. Одонтологическая характеристика населения из могильника Тактачак // В кн.: *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. С. 120-128.

Рязанов С.В., Гарустович Г.Н. Кузнечные изделия Горновского селища // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 185-190.

Садыкова М.Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX-XIV вв. // АЭБ. Т. 4 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 143-147.

СМИЗО, 1884: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург, 1884. 588 с.

Стрельцов Ф.В. Шихан на правом берегу р. Белой // Известия Сарапульского земского музея. Вып. IV. М., 1914. С. 97-98.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Чаиркин С.Е. Культурные комплексы восточного склона Северного Урала // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Международ. истор. конгресса финно-угроведов (28 октября – 1 ноября 2003 г.) / Отв. ред. А.С. Казимов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 443.

Шорин А.Ф., Волков Р.Б., Ражев Д.И. Средневековый могильник на поселении Перегон V около г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. III / Ред. С.Е. Чаиркин. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1999. С. 183-188.

Эрдели И. «Большая Венгрия» // *Acta archaeologica*. Т. XIII. Budapest, 1961. С. 307-319.

Ютина Т.К. Исследования Дербешкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан // *Finno-Ugrica*. №10. 2007. С. 73-98.

REFERENCES

Anninskij S.A. Izvestija vengerskih missionerov XIII-XIV vv. o tatarah i Vostochnoj Evrope [News of the Hungarian missionaries XIII-XIV centuries the Tartars and Eastern Europe] // *Istoricheskij arhiv*. III. M.: AN SSSR, 1940. S. 71-112.

Armatynskaja O.V. Turaevskij II mogil'nik i Ikskoe III poselenie [Turayev II cemetery and settlement Iksk III] // УАВ. Вып. 6-7. 2007. С. 120-130.

Ashihmina L.I. Gorodishhe Kamennyj Log anan'inskoj kul'tury Srednego Prikam'ja [Forthill Kamennyj Log Ananyino culture of the Middle Kama region] // *Material'naja i duhovnaja kul'tura finno-ugrov Priural'ja* / Отв. ред. V.E. Majer. Izhevsk: Udmurt. un-t, 1977. S. 139-166.

Bartol'd V.V. Bashkiry [Bashkirs] // *Sochinenija*. T. V. M.: Nauka, GRVL, 1968. S. 494-496.

Belavin A.M., Ivanov V.A., Krylasova N.B. Ugray Predural'ja v drevnosti i srednie veka [CisUrals Ugra in antiquity and the Middle Ages]. Ufa: Izd-vo BGPU, 2009. 278 s.

Bulgakov R.M., Nadergulov M.H. Bashkirskie rodoslovnye [Bashkir pedigrees]. Вып. 1. Ufa: Kitap, 2002. 480 s.

BSh – Bashkirskie shezhere [Bashkir shezhere] / Perevod R.G. Kuzeeva. Ufa: Bashknigoizdat, 1960. 304 s.

Vasjutkin S.M., Gorbunov V.S. Arheologicheskie issledovanija Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta [Archaeological research of the Bashkir State University] // *Arheologicheskie otkrytija* 1971 g. / Отв. ред. B.A. Rybakov. M.: Nauka, 1972. S. 215-216.

Viktorova V.D. Materialy k arheologicheskoj karte pamjatnikov jepohi zheleza v Juzhnoj Bashkirii [Materials for the archaeological map of the monuments of the Iron Age in southern Bashkiria] // VAU. Вып. 4 / Отв. ред. V.F. Gening. Sverdlovsk: UGU, 1962. S. 155-173.

Viktorova V.D. Mogil'nik i poselenie u d. Mys na r. Nice [The cemetery and the settlement near the village Mys on the river Nice] // VAU. Вып. 4 / Отв. ред. V.F. Gening. Sverdlovsk: UGU, 1962a. S. 135-153.

Viktorova V.D. Kurgany u s. Makushino na r. Nice [Mounds have to Makushino on river Nice] // *AJeB*. Т. 2. / Red. R.G. Kuzeev, K.V. Sal'nikov. Ufa: Bashknigoizdat, 1964. S. 247-250.

- Viktorova V.D.* Pamjatniki lesnogo Zaural'ja v X-XIII vv. n.je. [Monuments forest TransUrals in X-XIII centuries AD] // UZ PGU. №191 / Trudy Kamskoj arheologičeskoj jekspedicii. Vyp. IV / Otv. red. V.A. Oborin. Perm', 1968. S. 240-256.
- Viktorova V.D., Morozov V.M.* Srednee Zaural'e v jepohu pozdnego zheleznogo veka [Middle TransUrals in the late Iron Age] // Kochevniki Uralo-Kazahstanskih stepej / Red. A.D. Tairov. Ekaterinburg: UIF «Nauka», 1993. S. 173-192.
- Garustovich G.N.* Ob jetnicheskoj prinadlezhnosti rannemusul'manskih pamjatnikov Zapadnoj i Central'noj Bashkirii [Ethnicity early Islamic monuments in Western and Central Bashkortostan] // Problemy drevnih ugrov na Juzhnom Urale / Red. A.H. Pshenichnjuk. Ufa: BNC UrO AN SSSR, 1988. S. 130-139.
- Garustovich G.N.* Naselenie Volgo-Ural'skoj le-sostepi v pervoj polovine II tysjacheletija nashej jery [The population of the Volga-Ural forest-steppe in the first half of the II millennium AD]: Avtoref. diss... kand. ist. nauk. Ufa, 1998. 27 s.
- Garustovich G.N.* Zahoroneniya jepohi srednevekov'ja Shipovskogo gruntovogo nekropolja (Shipovskij pozdnij mogil'nik) [Burial ground Shipovo medieval necropolis (burial Shipovo later)] // Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arheologii). Vyp. VIII / Otv. red. N.A. Mazhitov. Ufa: RIO BashGU, 2005. S. 37-44.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A.* Areal rasseleniya ugrov na Juzhnom Urale i v Priural'e vo vtoroj polovine I – nachale II tys. n.je. [Areal settlement Ugric peoples in the Southern Ural and CisUrals during the second half of I – beginning of II millennium AD] // Problemy jetnogeneza finno-ugorskih narodov Priural'ja / Otv. red. V.A. Kananin. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta, 1992. S. 17-30.
- Garustovich G., Ivanov V., Shilov S.* Srednevekove mogil'niki lesostepnoj zony Zapadnoj Sibiri [Medieval cemeteries forest-steppe zone of Western Siberia] // Finno-Ugrica. №11. 2008. S. 54-68.
- Garustovich G.N., Ovsjannikov V.V.* Srednevekove svjatilishhe na gore Uklykaja na Juzhnom Urale [The medieval sanctuary on the mountain in the Southern Ural Uklykaja] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. №1(35). 2012. S. 179-187.
- Gemuev I.N., Sagalaev A.M.* Religija naroda mansi [Religion Mansi people]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 192 s.
- Goldina R.D.* Zhertvennoe mesto Chumojtlo v Juzhnoj Udmurtii [Sacrificial Chumojtlo place in South Udmurtia] // Problemy izuchenija drevnej istorii Udmurtii / Otv. red. L.A. Nagovicin. Izhevsk: NII pri SM UASSR, 1987. S. 84-106.
- Zbrueva A.V., Tihonov B.G.* Pamjatniki jepohi bronzy v Bashkirii [Bronze Age monuments in Bashkiria] // Drevnosti Bashkirii / Otv. red. A.P. Smirnov. M.: Nauka, 1970. S. 40-127.
- Ivanov V.A.* Pogrebeniya srednevekovyh kochevnikov na territorii Ohlebininskogo gorodishha [Burials medieval nomads in the territory of the forthill Ohlebinino] // SA. 1977. №1. S. 292-295.
- Ivanov V.A.* Issledovanie pamjatnikov jepohi zheleza v nizhnem techenii r. Beloj [Research monuments of the iron in the lower reaches of the river Belaja] // Arheologičeskie otkrytija 1980 g. / Otv. red. B.A. Rybakov. M.: Nauka, 1981. S. 132.
- Kazakov E.P.* Otchet 1971 g. [Report 1971] / Arhiv IA RAN. R-1. №4647.
- Kazakov E.P.* Pamjatniki bolgarskogo vremeni v vostochnyh rajonah Tatarii [Monuments Bulgarian time in the eastern part of Tatarstan]. M.: Nauka, 1978. 132 s.
- Kazakov E.P.* Issledovanija Rannebolgarskoj jekspedicii [The study of the Early-Bulgarian expedition] // Arheologičeskie otkrytija 1983 g. / Otv. red. B.A. Rybakov. M.: Nauka, 1985. S. 150-151.
- Kazakov E.P.* Novye issledovanija srednevekovyh pamjatnikov so shnurovoj keramikoj v vostochnyh rajonah Tatarii [New studies of medieval monuments with cord ceramics in the eastern part of Tatarstan] // Pogrebal'nye pamjatniki Prikam'ja / Otv. red. M.G. Ivanova. Izhevsk: NII pri SM UASSR, 1987. S. 25-33.
- Kazakov E.P.* O vzaimodejstvii bolgarsaltovskogo i priural'skogo naselenija (po materialam keramiki Volzhskoj Bolgarii) [On the interaction of the Bulgarian-Saltovo and the CisUrals population (based on the ceramics Volga Bulgaria)] // Rannie bolgary v Vostochnoj Evrope / Otv. red. A.H. Halikov. Kazan': IJaLI, 1989. S. 122-133.
- Kazakov E.P.* Volzhskie bolgary, ugry i finny v IX-XIV vv.: problemy vzaimodejstvija [Volga Bulgars, Finns and Ugrians in IX-XIV centuries: problems of interaction]. Kazan': II ANT, 2007. 208 s.
- Karpini P.* Istorija mongolov [History of the Mongols] // Puteshestvija v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka / Red. N.V. Shastina. M.: GIGL, 1957. S. 21-83, 195-221.
- Kas'janov M.I.* Na mogile Atash-hana [At the grave Atash-Khan] // «Krasnaja Bashkirija». 27 ijunja 1929 g.
- Kononov A.N.* Rodoslovnaja turkmen. Sochine-nie Abu-l-Gazi hana hivinskogo [Pedigree Turkmens. Writer Abul Gazi Khan of Khiva]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 191 s.
- Korjakova L.N., Razhev D.I., Kovrigin A.A., Sharapova S.V., Berseneva N.A.* Srednevekovyj kompleks Bol'shekazakbaevskogo 2 kurgannogo mogil'nika [Medieval complex Kazakbaevo 2 burial mound] // 120 let arheologii vostochnogo sklona Urala. Pervye chtenija pamjati V.F. Geninga. Chast 2.

Materialy konferencii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural, 1999. S. 73-89.

Kostjukov V.A. Kul'turnye transformacii v uralo-kazahstanskoj stepi v pervoj polovine II tys. n.je. [Cultural transformation in the Ural-Kazakhstan steppes in the first half of the II millennium AD] // *Arheologija Juzhnogo Urala (problemy kul'turogeneza)*. / Red. S.G. Botalov. Cheljabinsk: JuUFIIA, 2006. S. 444-457.

Kotov V.G. Relikty kul'ta gor u bashkir po danym fol'klora, jetnografii i arheologii [Relics of the cult of the mountains from the Bashkirs according to folklore, ethnography and archeology] // *Jetnogenez. Istorija. Kul'tura: I Jusupovskie chtenija. Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. pamjati R.M. Jusupova (Ufa, 17-19 nojabrja 2011 g.)* / Red. A.V. Psjanchin. Ufa: IJJaL UNC RAN, 2011. S. 131-136.

Kutakov Ju.M., Starkov A.V. Pylaevskij gruntovyj mogil'nik (predvaritel'naja publikacija) [Pylaev ground burial (pre-publication)] // *Ohrannye arheologicheskie issledovanija na Srednem Urale. Vyp. 1 / Tehnich. red. N. Goshhickij. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg»*, 1997. S. 130-147.

Mazhitov N.A. Juzhnyj Ural v VII-XIV vv. [Southern Urals in VII-XIV centuries]. M.: Nauka, 1977. 239 s.

Mazhitov N.A. Kurgany Juzhnogo Urala v VIII-XII vv. [Mounds of the Southern Urals in VIII-XII centuries]. M.: Nauka, 1981. 166 s.

Mogil'nikov V.A. Ugry i samodijcy Urala i Zapadnoj Sibiri [Ugra and Samoyeds Urals and Western Siberia] // *Finno-ugry i balty v jepohu srednevekov'ja. Arheologija SSSR / Otv. red. V.V. Sedov. M.: Nauka, 1987. S. 163-235.*

Morozov V.M. Istorija izuchenija petrogromskoj kul'tury [History of the study of Petrogrom culture] // *Chetvertye Bersovskie chtenija / Otv. red. V.T. Koval'eva. Ekaterinburg: OOO «AKVA-PRESS»*, 2004. S. 110-114.

Nefedov F.D. Otchet ob arheologicheskikh issledovanijah v Prikam'e, proizvedennyh letom 1893 g. [Report on archaeological research in the Kama area, conducted in the summer of 1893] // *MAVGR. T. 3. M., 1899. S. 42-74.*

Obydennova G.T., Ivanov V.A., Shuteleva I.A., Shherbakov N.B. Arheologicheskie issledovanija poselencheskogo pamjatnika jepohi pozdnego srednevekov'ja v Chishminskom rajone Respubliki Bashkortostan v ramkah programmy «Bashkirskij aul XVI-XIX vekov: istoriko-arheologicheskoe issledovanie» [Archaeological research of the settlement of the monument of the late Middle Ages in Chishmy District Republic of Bashkortostan in the framework of the «Bashkir village XVI-XIX centuries: the historical and archaeological research»] // *Formirovanie i vzaimodejstvie ural'skikh narodov v izmenjajush-*

hejsja jetnokul'turnoj srede Evrazii: problemy izuchenija i istoriografija / Pod red. V.S. Gorbunova, V.A. Ivanova, G.T. Obydennoj. Ufa: Kitap, 2007. S. 55-66.

Ovsjannikov V.V., Sungatov F.A. Gorodishhe Kamennaja gora v srednem techenii r. Ufy [Forthill of Kamennaja gora in the middle reaches of the river Ufa] // *UAV. Vyp. 5. 2005. S. 218-240.*

Ostanina T.I. Rannemusul'manskij mogil'nik u d. Altaevo v Bashkirskoj ASSR [Early Muslim cemetery near the village Altaevo in Bashkiria] // *Pogrebal'nye pamjatniki Prikam'ja / Otv. red. M.G. Ivanova. Izhevsk: NII pri SM UASSR, 1987. S. 33-38.*

Pastushenko I.Ju. Istorija izuchenija tak nazываемoj «sylvenskoj» kul'tury [History of the study of so-called «Sylva» Culture] // *Social'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnej istorii Prikam'ja / Red. V.I. Bacekalo. Izhevsk: Izdat. dom «Udm. un-t», 2002. S. 171-187.*

Pastushenko I. Kishertskij mogil'nik v bassejne reki Sylvy [Kishert cemetery in the basin of Sylva] // *Finno-Ugrica. №9. 2005-2006. S. 40-70.*

Pastushenko I.Ju. Kishertskij mogil'nik v bassejne reki Sylvy [Kishert cemetery in the basin of Sylva] // *UAV. Vyp. 6-7. 2007. S. 162-184.*

Perevoshhikov S.E. Zhelezoobrabatyvajushhee proizvodstvo naselenija Kamsko-Vjatskogo mezhdurech'ja v jepohu srednevekov'ja (tehnologicheskij aspekt) [Iron-producing population Vyatka-Kama interfluve in the Middle Ages (technological aspect)] // *Materialy i issledovanija Kamsko-Vjatskoj Arheologicheskoi jekspedicii. T. 2 / Red. I.G. Shapran. Izhevsk: IKNP, 2002. 176 s.*

Perevoshhikov S., Volkova Z. Rezul'taty metallograficheskogo analiza zheleznyh predmetov iz Kishertskih mogil'nika i I poselenija v bassejne reki Sylvy [The results of metallographic analysis of iron objects from the cemetery and settlement I Kishert in the basin of Sylva] // *Finno-Ugrica. №9. 2006. S. 71-80.*

Razhev D.I. Antropologicheskoe issledovanie Pylaevskogo gruntovyj mogil'nika [Anthropological research Pylaev ground burial] // *Ohrannye arheologicheskie issledovanija na Srednem Urale. Vyp. 1 / Tehnich. red. N. Goshhickij. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg»*, 1997. S. 147-152.

Rashid ad-din. Sbornik letopisej [Collection of Histories]. T. I. Kn. 2. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 315 s.

Reshetnikov N.L. Issledovanija Derbeshkinskogo poselenija i mogil'nika v ust'e reki Beloj [Research Derbeshkino settlement and burial ground at the mouth of the river Belya] // *Finno-Ugrica. №10. 2007. S. 155-164.*

Rubruk G. Puteshestvie v vostochnye strany [Journey to the East] // *Puteshestvija v vostochnye*

strany Plano Karpini i Rubruka. M.: GIGL, 1957. S. 87-194, 222-245.

Rud' (Postnikova) N.M. Odontologičeskaja harakteristika naselenija iz mogil'nika Taktalachuk [Odontology characteristic of the population of the cemetery Taktalachuk] // V kn.: *Kazakov E.P.* Pamjatniki bolgarskogo vremena v vostočnyh rajonah Tatarii. M.: Nauka, 1978. S. 120-128.

Rjazanov S.V., Garustovich G.N. Kuznečne izdelija Gornovskogo selishha [Forged products of the settlement Gornovo] // UAV. Vyp. 6-7. 2007. S. 185-190.

Sadykova M.H. Arheologičeskie materialy o hozjajstve bashkir v IX-XIV vv. [Archaeological materials on the economy of Bashkirs in IX-XIV centuries] // AJeB. T. 4 / Otv. red. R.G. Kuzeev. Ufa: IJAL BFAN SSSR, 1971. S. 143-147.

SMIZO, 1884: Tizengauzen V.G. Sbornik materialov, odnosjashihsja k istorii Zolotoj Ordy [The collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. T. I. Izvlečenija iz sočinenij arabskih. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburg, 1884. 588 s.

Strel'cov F.V. Shihan na pravom beregu r. Beloj [Sheehan on the right bank of the river Belja] // Izvestija Sarapul'skogo zemskogo muzeja. Vyp. IV. M., 1914. S. 97-98.

Hlebnikova T.A. Keramika pamjatnikov Volzhskoj Bolgarii. K voprosu ob jetnokul'turnom sostave

naselenija [Pottery monuments of Volga Bulgaria. On the issue of ethnic and cultural composition of the population]. M.: Nauka, 1984. 240 s.

Chairkin S.E. Kul'tovye komplekсы vostočnogo sklona Severnogo Urala [Religious complexes of the eastern slope of the Northern Urals] // Formirovanie, istoričeskoe vzaimodejstvie i kul'turnye svjazi finno-ugorskih narodov: materialy III Mezhdunar. istor. kongressa finno-ugrovedov (28 oktjabrja – 1 nojabrja 2003 g.) / Otv. red. A.S. Kazimov. Jshkar-Ola: MarNIIJaLI, 2004. S. 443.

Shorin A.F., Volkov R.B., Razhev D.I. Srednevekovyj mogil'nik na poselenii Peregon V okolo g. Ekaterinburga [The medieval cemetery in the settlement Peregon V of about the city of Yekaterinburg] // Ohrannye arheologičeskie issledovanija na Srednem Urale. Vyp. III / Red. S.E. Chairkin. Ekaterinburg: Izd-vo «Ekaterinburg», 1999. S. 183-188.

Jerdeli I. «Bol'shaja Vengrija» [«Great Hungary»] // Acta archeologica. T. XIII. Budapest, 1961. S. 307-319.

Jutina T.K. Issledovanija Derbeshkinskogo mogil'nika v Aktanyshskom rajone Respubliki Tatarstan [Research of the Derbeshkino cemetery in the Aktanysh district of the Republic of Tatarstan] // Finno-Ugrica. №10. 2007. S. 73-98.